

© И.Б. МУРАВЬЕВ

i_muravjov@list.ru

УДК 130.3+18+23

ЭСТЕТИКА ЕВХАРИСТИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВО*

АННОТАЦИЯ. На примере различного понимания евхаристии в православии и протестантизме демонстрируется роль чувственности и эстетики в самопонимании человека и общества, в формировании эстетико-антропологического идеала, лежащего в основе социальной культуры. Ярко выраженные эстетические стороны, содержащиеся в православном таинстве причащения, содействуют укреплению социального единства верующих и позволяют им рассматривать всеобщий (кафолический) опыт церкви в качестве высшего авторитета.

В протестантизме, как правило, на первый план выходят рационально-смысловые стороны евхаристии, а чувственным придают намного меньшее значение. В ряде протестантских конфессий причащение начинает пониматься как духовное питание словом Божиим, т.е. как принятие истин, содержащихся в Священном Писании. Принижение роли чувственности содействует формированию эстетико-антропологического идеала, в соответствии с которым формируется рациональная культура, чуждая мистицизму, освятившая обыденную рационально-практическую деятельность и критически подходящая к оценке достигнутого коллективного церковного опыта.

Освящение чувственности и апелляция к ней содействуют возрастанию доверия к опыту социальной общности. Сакрализация этого опыта приводит к его канонизации и формированию социоцентристской, иерархической модели общества, которое, с одной стороны, обладает большой степенью устойчивости, а с другой, испытывает трудности, связанные с саморазвитием.

SUMMARY. Through the example of different understanding of the Eucharist in Orthodoxy and Protestantism the paper demonstrates a role of sensibility and aesthetics in the process of self-understanding of the human and society, in formation of aesthetic-anthropological ideal, which underlies social culture. Distinct aesthetic features, involved into the orthodox sacrament of Communion, contribute to consolidation of social unity of believers and let them consider the universal (catholic) church experience as the supreme authority.

As a rule rational and semantic features of the Eucharist come to the fore in Protestantism, when sensitive ones withdraw into the shadows. In some protestant confessions the Community turns to be considered as spiritual nourishment with the Word of God, i.e. as acceptance of truths, contained in the Holy Writ. Diminution of the sensibility role contributes to forming of aesthetic-anthropological ideal, which lies in the background of rational culture, alien to mysticism, which consecrates the routine of rational practice and critically approaches an accomplished collective church experience.

** Исследование выполнено при поддержке средств государственного задания Минобрнауки 2013 г.*

Dedication and appeal to sensibility contribute to increase of confidence to the social unity experience. Sacralisation of such experience leads to its canonisation and builds a socio-centrist hierarchical model of society, which is very stable on the one hand, and hardly develops, on the other.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. *Эстетико-антропологический идеал, евхаристия, обо-
жение (теозис), священное, общество, человек, чувственность, рациональность, мистицизм.*

KEY WORDS. *Aesthetic-anthropological ideal, Eucharist, deification (Theosis),
sacred, society, human, sensibility, rationality, mysticism.*

Эстетика евхаристии оказывает существенное влияние на формирование и функционирование эстетико-антропологического идеала, под которым понимается — «олицетворенное, конкретно-чувственное представление о человеческой норме, о должном. Возникнув, эстетико-антропологический идеал начинает определять специфику бытия общества. Часто таким олицетворенным идеалом становится сама личность, привнесшая в социальную жизнь новое видение и понимание священного» [1; 85]. В христианстве в качестве эстетико-антропологического идеала выступает, прежде всего, личность Иисуса Христа [2; 80-82]. В православии и католицизме этот идеал включает в себя и Церковь как мистический богочеловеческий организм, главою которого является Сам Христос (Еф. 1:22-23, Еф. 5:23, Кол. 1:18). В огромной мере пониманию Церкви как непогрешимого тела Христова способствует чувственно-эстетические стороны евхаристии.

Евхаристия (благодарение) считается в христианстве самым торжественным и радостным событием. В различных конфессиях его также называют причащением, хлебопреломлением, трапезой и вечерей Господней. Этот обряд призван напоминать верующим об их единстве во Христе, о последней трапезе Иисуса Христа с апостолами, о Его искупительной смерти на кресте, Воскресении и Втором Пришествии и др. В евхаристии заключено много смыслов. Митрополит Илларион (Алфеев), суммируя сказанное о понимании таинства евхаристии у восточных отцов церкви, выделяет до семи ключевых положений [3].

Согласно православному учению, во время литургии происходит таинство, когда хлеб и вино становятся телом и кровью Иисуса Христа. Богословие православного учения об евхаристии исходит из представлений о совершенном человеке — Иисусе Христе, в котором неслиянно и нераздельно соединились Божественная и человеческая природа. Основанием таинства евхаристии является Боговоплощение Иисуса Христа. Как Бог воспринял плоть и кровь от Девы Марии и стал воистину Человеком, так и достойные, вкушая Святые Дары, принимают всего Христа и становятся богами по благодати. Как Христос зародился в Деве Марии от Духа Святого, так и участник евхаристии рождает в себе Христа, преобразуется в Его подобие.

Таким образом, участник литургии, вкушая Святые Дары, приобщается к Божественному естеству. В таинстве происходит процесс, обратный тому, который наблюдается при приеме пищи глениной. Не пища перелагается в того, кто ее потребляет, но Христос посредством Святого Духа преобразует в Себя того, кто Его вкушает. Об этой самоотдаче евхаристии и преобразении человека писали Иоанн Златоуст, Аврелий Августин в IV-V веках, и Николай Квасила в веке XIV [4; 54], [5]. С особым искусством чувственный, телесный характер таинства передает Иоанн Златоуст (ок. 347-407), учивший о реальном

присутствии Христа в евхаристических хлебе и вине и реальном единении участника таинства со Христом. В Беседе (Гомилии) 82-й на Евангелие Матфея святитель пишет: «Сколь многие ныне говорят: желал бы я видеть лицо Христа, образ, одежду, обувь! Вот, ты видишь Его, прикасаешься к Нему, вкушаешь Его. Ты желаешь видеть одежды Его, а Он дает тебе самого Себя, и не только видеть, но и касаться, и вкушать, и принимать внутрь» (In Matth. 82, 4) [6; 826]. Сила высказываний Иоанна Златоуста поражает. Поражает и красота православного богослужения. Но, как указывают православные авторы, не посредством эстетики литургии передается спасение, а «по дару Христа» через реальное причастие Ему [5].

Великий византийский мистик прп. Симеон Новый Богослов (949-1022) утверждал, что в евхаристии даруется непосредственное единство со Христом по человечеству, и через это — единение с Его Божеством «по положению», или «по благодати» [7]. В своих восторженных сочинениях преподобный указывает, что, причащаясь, человек «должен созерцать Бога душевными очами и ощущать Его живое присутствие в освященных Дарах» [7]. Много внимания Симеон уделяет нравственному состоянию участников евхаристии. Без глубокого покаяния, без слез и искреннего сожаления о своих грехах нельзя приступать к трапезе Господней. Он считал, что те, кто недостойно вкушают Святые Дары, питают только тело, а не душу, а потому участь таких людей — тлен и смерть.

Православные мыслители единодушно указывают на необходимость внутреннего преобразования человека. Совершенно верно они говорят о необходимости нравственного совершенствования личности. И только сообщество преобразованных личностей может создать жизнь, которая не будет адом. Только благодаря молитвам праведников этот мир еще существует. Но понимание роли пира Жизни в деле нравственного преобразования, на наш взгляд, затрудняет признание роли социальных структур, препятствующих злоупотреблениям людей, находящимся у власти. Индивиды, захваченные красотой евхаристии, переносят религиозное, восторженно-эстетическое отношение на лиц, представляющих как церковь, так и государство, сотрудничающее с ней. Иначе говоря, чувственное представление Христа в таинстве евхаристии, оказывает влияние на восприятие конкретных индивидов, которые в силу своего положения освящаются авторитетом религии, как представители Бога. Не случайно во время волнений в конце 2012 — начале 2013 г. патриарх Кирилл высказался за внутреннее духовное преобразование, а не за изменение внешних структур власти, препятствующих злоупотреблениям [8].

Иное понимание евхаристии, следовательно, и человека в других, не православных направлениях христианства. В протестантизме отсутствует единое отношение к таинствам. Одни, вслед за М. Лютером, считают их видимым Словом Божьим и верят, что они способны передавать благодать. Другие находят в таинствах только символическое выражение Божьей милости и своей веры в Него.

Как правило, протестанты отрицают превращение, претворение, пресуществление хлеба и вина в настоящие тело и кровь Иисуса Христа. В связи с тем, что многие протестантские конфессии настаивают на том, что слова Христа, призывающие есть Его плоть и пить Его кровь, имеют исключительно символическое значение (Ин. 6), то питаться Христом, в этом случае, означает прича-

щаться от слова жизни — Библии, которая несет в себе животворную силу. Другими словами, Христос, Который в Библии назван Словом Божиим, призывает причащаться от Его слов, содержащихся в Его Писании: «Слова, которые говорю Я вам, суть, дух и жизнь» (Ин. 6:63); «не хлебом единым будет жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божьих» (Мф. 4:4). С этой точки зрения, участие в служении причастия показывает, что верующий зависит от Христа в духовной жизни так же, как от еды и питья он зависит в жизни физической.

Известная протестантская писательница Е. Уайт так выразила подобное понимание причащения: «Слово Божье должно стать поддержкой для бедствующих, утешением для гонимых. Бог Сам обращается к верующей, уповающей душе, ибо Дух Божий — в Его Слове, и особое благословение получают те, кто принимает слова Божьи, когда его разум просвещается Святым Духом. Именно так верующий вкушает Христа, Хлеб жизни. Истина предстает в новом свете, и душу наполняет радость, словно в зримом присутствии Христа» (Знаменья времени, 10 октября 1895 г.) [9; 30 июня].

Символическое понимание совершаемых действий и личная вера в то, что во время Вечери Господней христианин встречается со своим Богом, как бы выталкивает духовную активность из сферы церковно-обрядовых, культовых действий в обыденный мир и повседневность, в которых, по мысли протестанта, также проявляется священное. Как освященные в молитве хлеб и вино не представляют сами по себе Христа, но благодаря совершению заповеданных Христом действий Он через Духа Святого лично встречается со своим народом, так и в обыденной жизни, взятой самой по себе, нет ничего заслуживающего внимания, достойного. Без Бога она обесмыслена. Апостол Павел писал: «Все почитаю тщетою» (Фил. 3:8). Но повседневность обретает смысл благодаря вере в незримое присутствие Бога в жизни. И даже если здесь и сейчас христианин не может этот смысл увидеть, понять, то у него есть вера, которую он выражает в действиях, заповеданных Христом.

Таким образом, подлинное богослужение для протестанта — это его повседневная жизнь. Поэтому культ в протестантских конфессиях не столь развит, как, например, в католицизме или православии. Главное его назначение заключается в том, чтобы объединять верующих в поклонении Богу; развивать у членов и гостей Церкви понимание воли Божьей, содержащейся в Библии; содействовать возрастанию их веры; содействовать общению, несущему взаимную поддержку, ободрение и радость; совершать установленные Писанием обряды; распространять проповедь Евангелия и др.

Реформация заложила иное, нежели у католиков и православных, понимание природы и роли церкви. Как правило, символическое понимание евхаристии как духовного питания словом Божиим (Библией), не дает протестантам права считать себя зримым, чувственным воплощением энергий Бога. Поэтому многие протестанты, считая свою конфессию самым полным воплощением истины, не утверждают, что она свободна от пороков и что только в ней возможно спасение. Согласно выдающимся протестантским философам и теологам XX в. К. Барту и П. Тиллиху, «Безусловное не может быть отождествлено с какой бы то ни было данностью, прошлой или будущей; в истории нет абсолютной церкви, как не может быть абсолютного царства разума и справедливости» [10; 222].

Итак, видимая церковь, согласно учению протестантизма, не является непогрешимым образованием. Христианин должен постоянно помнить о своей духовной нищете и устремляться ко все более полному познанию Бога, постоянно подкрепляя свои духовные силы Словом Божиим. При этом чувственное восприятие своего опыта у протестанта отходит на второй план. Подобно тому, как воскресший Иисус, явившись к ученикам по дороге в Эммаус, не стал им показывать свои раны или совершать чудеса, а обратил их внимание на свидетельства Священного Писания (Лк. 24: 13-32), так и протестант должен проверять любой опыт, свое духовное состояние истинами, содержащимися в Библии [11; 40-41].

В результате Реформации, порвавшей с мистицизмом и чувственностью римского католицизма и обратившейся к вере библейского «номинализма», возник новый эстетико-антропологический идеал, появилась культура, освятившая рационально-практическую деятельность, новые политико-экономические отношения. Все современные государства, в которых протестантизм исповедуется большинством населения, придерживаются принципов демократии и являются экономически развитыми. Протестантский вариант христианства, с его идеей религиозного призвания (задачей, поставленной перед человеком самим Богом), послужил активизации профессиональной деятельности человека, содействовал установлению политической свободы, новых капиталистических отношений, основанных на труде, честности, аскетизме в миру.

На наш взгляд, эстетика евхаристии является сутью различий между православием и католицизмом, с одной стороны, и протестантизмом, с другой. Греческий православный богослов Христос Яннарас настоятельно напоминает читателям, что Церковь есть собрание вокруг Евхаристической трапезы [12]. Постулируемое православием реальное, а не символическое присутствие Христа в Святых Дарах приводит к тому, что люди, объединенные этой евхаристической чашей, верят, что в их членах телесно присутствует Христос. Наиболее ярко о реальном, чувственном присутствии Христа в теле человека писал Симеон Новый Богослов: «Мы делаемся членами Христовыми, а Христос нашими членами. И рука у меня несчастнейшего и нога моя — Христос. Я же жалкий — и рука Христова, и нога Христова. Я двигаю рукою, и рука моя есть весь Христос, ибо Божественное Божество, согласись со мною нераздельно; двигаю ногою, и вот она блистает, как и Он» (Нупп. 58) [13; 261].

На наш взгляд, из эстетики евхаристии, из чувственного восприятия верующих как носителей Живого Бога, вытекают важные для православного учения следствия. Это и учение о человеке, и учение о теозисе (обожении), и учение о непогрешимости единой святой, соборной и апостольской церкви и др. Если церковь — это собрание вокруг евхаристической трапезы, то и критерием истинности, правоты такого собрания становится не формальное соответствие вероисповедательным формулам, а факт и опыт кафоличности, воплощенный в личностях святых [12]. Именно опыт народа, объединенного трапезой евхаристией, является критерием истинности веры. Таким образом, церковь как народ Божий, совершающий евхаристию, является носителем Святого Духа, поэтому церковь во всей своей полноте не может ошибаться. Поэтому, согласно православному вероучению, ответы на вызовы эпохи, которые дает кафолическая (вселенская) церковь, ее сложившаяся практика будут всегда правильными.

В этой связи можно сказать, что формула «Народ всегда прав» является секуляризованной разновидностью учения о непогрешимости народа Божьего в целом. Хотя исихастское учение о сущности Бога и Его энергиях не позволяет отождествлять Бога и мир, тем не менее, на наш взгляд, в православии как бы смысается, делается нечеткой граница между трансцендентным и имманентным, между святым Богом и Его церковью. Это смешение, по мнению критиков, особенно проявляется в Римско-католической церкви, в которой культивируется чувственное восприятие священного. Так учение о непогрешимости мнения папы римского, когда он с кафедры высказывается по вопросам религии и нравственности, приводит к тому, что сама церковь начинает восприниматься как источник Святого Духа.

В этой связи интересно сопоставить чувственно-эмоциональные, эстетические тенденции католицизма с аналогичными тенденциями, происходящими в лоне его антипода, в протестантизме. Наиболее ярко эмоциональность и чувственность проявляются в пятидесятничестве и различных харизматических течениях.

Одной из бросающихся в глаза особенностью пятидесятничества является динамичное богослужение, которое кому-то может показаться даже неподобающе веселым и беспорядочным. Оно включает в себя проповедь, пение, молитву и говорение на языках (глоссолалию). Критикам кажется, что, порой, пятидесятники как бы дают приказания Святому Духу, а не следуют Его воле. Такое дерзновение по отношению к Богу, на наш взгляд, вытекает из чувственного отождествления себя с энергией Святого Духа, влияние которого, по мнению пятидесятников, они в себе переживают. Но для пятидесятничества, казалось бы, характерен демократизм, а не авторитаризм. Однако, во-первых, это течение зародилось в стране, имеющей долгую демократическую традицию. Во-вторых, пятидесятничество существует относительно недавно. В-третьих, протестантизм в целом отличается большим индивидуализмом, чем католицизм и православие. В-четвертых, роль лидера в пятидесятнических церквях, как правило, очень велика. Поэтому чувственное отождествление себя со священным в рамках пятидесятничества в условиях индивидуализма приводит к постоянному появлению новых обособленных групп верующих.

Если чувственное восприятие священного является одним из атрибутов, а не акциденцией, случайным эпифеноменом сущности, то в дальнейшем можно будет наблюдать эволюцию пятидесятнических, шире — харизматических движений от демократизма к авторитаризму, при условии осознания ими необходимости церковного единства. Возможно, в пятидесятничестве происходят те же процессы, что и в индуизме, который представляет собой конгломерат многообразных вероучений. Главное внимание в многочисленных сектах индуизма уделяется личному опыту, а не доктринам. Но всех их объединяет вера в авторитет Вед.

Таким образом, на примере евхаристии можно увидеть зависимость между мерой чувственного восприятия священного и уверенностью в причастности ему. В свою очередь, уверенность в причастности какой-либо общности к священному может служить источником сложения авторитарных и тоталитарных структур власти, которые постоянно демонстрируют свою принадлежность к священному, к непогрешимому, выступают олицетворением единства этой общности и выразителями общей для всех истины существования. Освящение

сложившегося общественного устройства религией, с одной стороны, обеспечивает социальный порядок и легитимацию власти, с другой, может существенно тормозить развитие общества, т.к. объявляет существующие общественные институты и структуру общества богоустановленным и незыблемым.

Выводы, сделанные в статье, нуждаются в дальнейшей проработке. Важным представляется исследование фигуративности, о которой пишут такие разные ученые, как М.Н. Щербинин [14] и А.Е. Зимбули [15], хронотопа и визуальных коннотаций евхаристии. Много в исследовании вопросов, связанных с ролью религии в культуре зависит от позиции, занимаемой исследователем. При этом необходимо учитывать, что «тот или иной способ соотношения религии и культуры вряд ли может быть рассмотрен как нечто единственно возможное, изначально данное раз и навсегда. Каждый из них — историчен» [16; 44].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Муравьев И.Б. Роль религии в формировании эстетико-антропологического идеала // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. №10. Серия «Философия». С. 84-89.
2. Муравьев И.Б. Эстетико-антропологический идеал в истории европейской культуры // Эстетико-антропологическое бытие социума: Коллективная монография. Тюмень: Вектор Бук, 2010. С. 74-87.
3. Илларион (Алфеев), митрополит. Православие. Том 2: Святоотеческое учение о Евхаристии. URL: http://www.pravoslavie.by/page__book/svjatootcheskoe-uchenie-o-evharistii (дата обращения 30.07.2013).
4. Климов О.С. Евхаристия в православной антропологии // Философские пиры Петербурга: Сборник. СПб, 2005. С. 52-56.
5. Сергеев А., диак. Пир Жизни. О Евхаристии в жизни современного христианина // Интернет-журнал «Киевская Русь». URL: <http://www.kiev-orthodox.org/site/worship/659> (дата обращения 23.08.2013).
6. Иоанн Златоуст. Толкование на святого Матфея евангелиста. Беседа 82 // Полное собрание творений Иоанна Златоуста в 12 томах. Том. 7. Кн. 2. М.: Православная книга, 1991. С. 819-829.
7. Желтов М., диак. Таинство Евхаристии в богословии прп. Симеона Нового Богослова // Православная Энциклопедия: электронная версия. URL: http://www.pravenc.ru/text/351651.html#part_4. (дата обращения 02.08.2013).
8. Рождественское интервью Святейшего Патриарха Кирилла. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1932241.html> (дата обращения 01.08.2013).
9. Уайт Е. От всего сердца: Пер. с англ. Заокский: Источник жизни, 2012. 384 с.
10. Тиллих П. Кайрос // Тиллих П. Избранное: Теология культуры. М.: Юрист, 1995. С. 216-235.
11. Финли М. Возрождение и преобразование. Заокский: Источник жизни, 2013. 255 с.
12. Яннарас. Х. Вера Церкви. М.: Центр по изучению религий, 1992. URL: http://royallib.ru/book/yannaras_hristos/vera_tserkvi_vvedenie_v_pravoslavnoe_bogoslovie.html (дата обращения 05.08.2013).
13. Симеон Новый Богослов, прп. Божественные гимны // Творения. Т. 3. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 13-280. (Репринтное издание).
14. Щербинин М.Н. Фигуративность социальности: эстетико-антропологический поиск // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 10. Серия «Философия». С. 6-15.
15. Зимбули А.Е. Нравственные модусы еды // Философия пира: Опыт тематизации. СПб: СПбГУ, 1999. С. 56-59.

16. Ларин Ю.В. Концепции соотношения религии и культуры // Вестник ИГПИ им. П.П. Ершова. 2012. № 1 (3). С. 41-45.

REFERENCES

1. Murav'ev, I.B. Role of Religion in forming of aesthetic-anthropological ideal. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2012. № 10. Series «Philosophy». Pp. 84-89. (in Russian).
2. Murav'ev, I.B. Aesthetic-anthropological ideal in the History of the European Culture // *Jestetiko-antropologicheskoe bytie sociuma: Kollektivnaja monografija* [Aesthetic-anthropological Being of Environment: Collective monograph]. Tyumen, 2010. Pp. 74-87. (in Russian).
3. Illarion (Alfeev), metropolitan. *Pravoslavie. Tom 2: Svjatootecheskoe uchenie o Evharistii* [Orthodoxy. Volume 2: Patristic Theory of Eucharist]. URL: http://www.pravoslavie.by/page__book/svjatootecheskoe-uchenie-o-evharistii (accessed 30.07.2013).
4. Klimkov, O.S. The Eucharist in the Orthodox Anthropology // *Filosofskie piry Peterburga: Sbornik Philosophic* [Feasts of Petersburg: Collected book]. St-Petersburg, 2005. Pp. 52-56. (in Russian).
5. Sergeev, A., deacon. Feast of Life. On Eucharist in the life of a modern Christian. URL: <http://www.kiev-orthodox.org/site/worship/659> (accessed 23.08.2013).
6. Ioann Zlatoust. Construction on Holy Matthew evangelist. Conversation 82 // *Polnoe sobranie tvorenij Ioanna Zlatousta v 12 tomah. Tom. 7. Kn. 2* [Complete collection of works of Ioann Zlatoust в 12 volumes. V. 7. B. 2]. Moscow, 1991. Pp. 819-829. (in Russian).
7. Zheltov, M., deacon. Sacrament of Eucharist in Theology of rev. Symeon the New Theologian. URL: http://www.pravenc.ru/text/351651.html#part__4. (accessed 02.08.2013).
8. Christmas interview of His Holiness Patriarch Kirill. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1932241.html> (accessed 01.08.2013).
9. White, E. *Ot vsego serdca* [From all my Heart] / Trans. fr. the Eng. Zaokskiy, 2012. 384 p. (in Russian).
10. Tillich, P. *Cairos* // Tillich P. *Izbrannoe: Teologija kul'tury* [Selection: Theology of Culture]. Moscow, 1995. Pp. 216-235. (in Russian).
11. Finley, M. *Vozrozhdenie i preobrazovanie* [Revival and Transformation]. Zaokskiy, 2013. 255 p. (in Russian).
12. Jannaras, H. *Vera Cerkvi* [Faith of Church]. Moscow, 1992. URL: http://royallib.ru/book/yannaras_hristos/vera_tserkvi_vvedenie_v_pravoslavnoe_bogoslovie.html (accessed 05.08.2013).
13. Simeon Novyj Bogoslov, prp. *Holy Hymns // Tvorenija. T. 3* [Works. V. 3]. The Holy Trinity St. Sergius Lavra, 1993. Pp. 13-280. (Reprint). (in Russian).
14. Shherbinin, M.N. Figural character of Sociality: Aesthetic-anthropologic Search. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2011. № 10. Series «Philosophy». Pp. 6-15. (in Russian).
15. Zimbuli, A.E. Moral Modalities of Food // *Filosofija pira: Opyt tematizacii* [Philosophy of Feast: Thematisation experience]. St-Petersburg, 1999. Pp. 56-59. (in Russian).
16. Larin, Ju.V. Concepts of Correlation of Religion and Culture // *Vestnik Ishimskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. P.P. Ershova — Bulletin of P.P. Ershov ISPI*. 2012. № 1 (3). Pp. 41-45. (in Russian).